

ГОЛОСЪ

Иллюстрированное Обзоріе
сѣщественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
въ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 29

Пятница, 30 іюля (12 августа) 1904 г.

№ 29

бителей, которые бы не пробовали изображать „медвѣда - помѣщика“ и неутѣшную „вдову“.

Успѣхъ „Медвѣда“ легко объясняется свѣжестью этой вещицы по тому времени, ея неподдѣльнымъ и орызжущимъ юморомъ. Разговоры, вызванные „Ивановымъ“, тоже понятны. Но все-таки хотѣлось сказать публикѣ, не шедшей дальше тогдашнихъ чеховскихъ пьесъ:

— Господа, да неужто же вы не читали „Разказовъ“ Чехова? Неужто не имѣли въ рукахъ книжку „Въ сумеркахъ“? Неужто не знаете „Стенъ“? Вѣдь, это большое, большое дарованіе, общающее приблизиться къ Гоголю и Тургеневу. А вы все толкуете одно — про „Медвѣда“.

Скажутъ: курортная публика — съ нея взять нечего. Это не такъ. Въ Ялтѣ прожигатели и прожигательницы жизни составляютъ все-таки только половину элемента. Другая половина — сливки русской интеллигенціи, собравшіяся со всѣхъ концовъ Россіи. Но и эта образованнѣйшая часть публики познакомилась съ Чеховымъ раньше всего по сценѣ. Разказы Чехова выдвинули его имя и создали ему почетную извѣстность въ читающей публикѣ; но широкій успѣхъ и популярность вышли изъ театра.

У „Медвѣда“ и матеріальной дѣла были очень хороши. Говорили потомъ, что онъ даетъ Чехову отъ 500 до 1,000 руб. въ годъ.

Самъ Чеховъ, конечно, этой вещицѣ значенія не придавалъ и говорилъ о ней съ улыбкой. Она и написана была, кажется, за одинъ присѣвъ. Но зато онъ очень интересовался „Ивановымъ“ и часто возвращался къ разговорамъ на эту тему.

Неуспѣхъ, постигшій въ общемъ итогѣ пьесу, рядомъ съ признаніемъ ея литературности и съ любопытствомъ, возбужденнымъ ея новыми приемами, объяснялся, по мнѣнію Чехова, привычкой къ устарѣлымъ формамъ.

— Требуешь, чтобы были герои, героиня, сценическіе эффекты. Но, вѣдь, въ жизни люди не каждую минуту стрѣляютъ, вѣшаютъ, объясняются въ любви. И не каждую минуту говорятъ умныя вещи. Они больше ѣдятъ, пьютъ, волочатся, говорятъ глупости. И вотъ, надо, чтобы это было видно на сценѣ. Надо создать такую пьесу, гдѣ бы люди приходили, уходили, обѣдали, разговаривали о погодѣ, играли въ винтъ... но не потому, что такъ нужно автору, а потому, что такъ происходитъ въ действительной жизни.

Теперь, послѣ „Чайки“, „Дяди Вани“, „Трехъ сестеръ“, „Вишневаго сада“, мы знаемъ, что хотѣлъ сказать Чеховъ. Но въ то время немногие, даже изъ цѣлнвшихъ Чехова, понимали его мысль.

— Значитъ, натурализмъ въ духѣ Золя? — спрашивали его.

— Не надо ни натурализма, ни реализма. Не надо подгонять ни подъ какія рамки. Надо, чтобы жизнь была такая, какая она есть, и люди такіе, какіе они есть, а не ходячиче.

— Что же, думаете писать новую пьесу? — спросилъ я однажды Чехова.

— Ну, нѣтъ... скоро едва-ли... неудобно съ театромъ возитъ.

И не сталъ добиваться объясненія этихъ словъ, но они объяснились сами собой.

Какъ-то Чеховъ поѣхалъ навѣстить Стрепетову, которая проводила лѣто не то въ Симензѣ, не то въ Корензѣ. Надо запомнить, что Стрепетова въ минувшій сезонъ играла въ „Ивановѣ“ Сару (еврейку, постылую жену) и имѣла большой успѣхъ.

Стрепетова всегда была извѣстна, какъ интересная собесѣдница и живой человѣкъ.

— Что же, — спросилъ я Чехова, — хорошо провели время?

Изъ воспоминаній о А. П. Чеховѣ.

Лѣтомъ 1889 г. А. П. Чеховъ гостилъ въ Ялтѣ. Онъ былъ уже тогда авторомъ двухъ сборниковъ, одинъ изъ которыхъ получилъ академическую премию; года четыре какъ печатался въ большой распространенной газетѣ и „прошелъ“ уже въ толстый петербургскій журналъ — „Сѣверный Вѣстникъ“. Между тѣмъ популярность Чехова основывалась главнѣйшимъ образомъ — странно сказать — на его водевилѣ „Медвѣдъ“, въ томъ сезонѣ впервые увидѣвшемъ сцену.

Такъ создается слава.

Досадно даже было на эту публику, слушающую она склоняла „Медвѣда“. Досадно на нее и обидно за талантливаго молодого писателя. — Чеховъ... да... ахъ, какъ прелестно нависающъ его „Медвѣдъ!“ — вздыхала барышня. — У насъ въ клубѣ давали „Медвѣда“, — объявляла дама, — и я играла влову.

— А я — помѣщика, чортъ меня возьми! — добавлялъ господинъ. Восторгъ, а не водевилъ! Или:

— Скажите, какой это Чеховъ: авторъ „Медвѣда“?

— „Медвѣдъ.“ — да, вѣдь, это одно вдохновеніе!

— Любой современной комедіи стоить: даромъ, что водевилъ!

— Прибавьте: и драмы!

— А „Ивановъ“ Чехова? Видѣли, небось?

— Да... конечно... но... знаете... вѣдь, это собственно не пьеса... Литературная вещь — да, но не пьеса.

„Ивановъ“ въ большой публикѣ успѣха не имѣлъ. Ходили сморъты на эту пьесу потому, что о ней говорили. Говорили же о ней больше всего потому, что въ ней Давыдовъ — несравненный комикъ, Давыдовъ — вѣлся играть драматическую роль.

Это было такъ же смѣло со стороны артиста, какъ со стороны писателя — дать пьесу, не считаясь съ принятыми условіями „сценичности“. Но и участь — та же.

Отзывы были въ такомъ родѣ, какъ и о пьесѣ:

— Да, конечно, это недурно, но... Но Давыдовъ все таки — комикъ, а не драматическій артистъ.

И такъ, „Ивановъ“ и „Медвѣдъ“ — вотъ о чемъ говорили, называя имя Чехова. „Ивановъ“ былъ предметомъ любопытства и споровъ, „Медвѣдъ“ былъ предметомъ восторговъ и не сходилъ въ столицахъ и провинціи съ афишъ. Кажется, не было такого глухого угла, гдѣ бы не ставили эту вещицу, и не было такихъ лю-

Министръ внутреннихъ дѣлъ
статсъ-секретарь В. К. фонъ-Ллеве.
† 15-го июля.

Но у Чехова было „хмурое“ лицо.
— Хорошо-то было-бы хорошо... На берегу моря уху варили... съ помозъ интереснымъ познакомился... *) Вотъ только чехорощо, что о театрѣ говорили... все настроеніе испортили.

Опять я не добивался, видя, что Чехову

*) Священникъ ялтинской аутокой церкви о. Василій Соколовъ, теперь покойникъ.

Постройка казармъ у бухты „10 кораблей“, въ Портъ-Артуръ.
Со снимка нашего корреспондента.

непріятно продолжать. Я зналъ, что Стрелетова, человекъ рѣдкой душевной красоты и чистоты, имѣть привычку рѣзко выражаться. На этой почвѣ, можетъ быть, что-нибудь и произошло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Чеховъ, видимо подъ вліяніемъ побѣдки къ Стрелетовой, сказалъ мнѣ:

— Довольно!.. Надо бросить всякіе театры и заняться своимъ дѣломъ—повѣствовательной беллетристикой. Эти актеры увѣрены, что благодѣтельствуютъ тебя. Пьеса—видите

ли—ничего не стоитъ,—они создаютъ ей успѣхъ!..

Я передаю подлинную мысль—насколько возможно—даже подлинныя слова Чехова, имѣя въ виду, насколько они интересны для сравненія его взглядовъ на взаимоотношенія автора и актера, тогда—въ пору „Иванова“, и въ послѣдствіи—въ періодъ „Художественнаго театра“.

Что Чеховъ театра не бросилъ—это извѣстно. Въ ту же зиму у Абрамовой шелъ его „Двѣни“—и не имѣлъ никакого успѣха, да-

Ки. Трубенцой, Романовъ, Хохольскій, Романовъ, Измайловъ, гр. Канкринъ, Уваровъ, Ф. Цирусъ,
Хрипуновъ, Старше, Струве, Жуковский,

Группа добровольцевъ 52-го драгунскаго полка на театрѣ военныхъ дѣйствій.

же вѣшиваго. И даже любопытства не возбуждалъ. Поставили—и сняли съ репертуара. И Чеховъ покинулъ область серьезнаго театра на цѣлыхъ 6—7 лѣтъ, пробавляясь „Калха-

самъ“, „Трагиками по-неволю“ и т. п. мелочами.

Что Чеховъ, покинувъ театръ, не покинулъ своей мысли создать здѣсь что-нибудь новое,

доказала „Чайка“. Но она съ трескомъ провалилась въ Петербургъ, и неизвѣстно, сколько времени она лежала бы, подеръженная, на берегу Невы, если бы ее не подобралъ

московскій „Художественный театр“. И кто знаетъ, если бы не спасли „Чайку“, что сдѣлалось бы съ чеховскими пьесами? Можетъ быть, Чеховъ, именно поэтому, изъ благодарности къ заслугамъ своихъ друзей, и прощаль имъ тотъ духъ искаженія, который они вносили въ нѣкоторыя частности.

О томъ, какое значеніе имѣлъ „Художественный театр“ для чеховскихъ пьесъ, писалось такъ много, что возобновлять объ этомъ разговоръ нѣтъ надобности. Позволю себѣ только вернуться къ вышеприведеннымъ словамъ Чехова: „Надо создать такую пьесу, гдѣ бы люди приходили, уходили, обѣдали-разговаривали о погодѣ... говорили глупости“... За Чеховымъ дѣло не стало—онъ пьесу создалъ. Однако, этого мало было. Какъ ни хмурился Чеховъ на Стрейетову, но для пьесы актеръ—многое. Надо было, чтобъ и шлись такіе актеры, которые, изображая, какъ люди приходятъ, уходятъ, обѣдаютъ, играютъ въ карты,—дѣлали это жизненно, интересно, мозаично-правдиво. А когда такіе актеры явились, получилось настроеніе, и „театръ Чехова“ сдѣлался осуществившимся фактомъ.

Закончу „Медвѣдемъ“, съ котораго началъ. Чеховъ мало говорилъ объ этой пьескѣ, но любилъ ее. Она была его „Маскоттой“ и, пожалуй, имѣла въ его литературной дѣятельности вообще и драматической, въ частности, символическое значеніе. Чеховъ, такъ же, какъ и его степной помѣщикъ, явился въ домъ неутѣшной вдовы--литературы незваннымъ и непрошеннымъ, безъ рекомендательнаго письма и не во время. Его не хотѣли принимать, грозили вывести его (при помощи критиковъ и рецензентовъ) за неприличныя манеры (отсутствіе „направленія“), призывали къ барьеру (къ отвѣтственности передъ „идеаломъ“). Но Чеховъ не смущался и продолжалъ свое дѣло. Онъ шелъ напроломъ со всей прямою медвѣдя и непосредственностью степного человѣка, поражая чуткостью къ жизни и правдивостью изображеній.

И неутѣшная вдова—литература сдалась...

Д. Городецкій.

